

Людмила ЧИДИЛЯН

ВСТРЕЧИ В ХОСПИСЕ

1

В храм при городском хосписе меня позвал Александр Ибрагимов – друг нашей семьи, поэт. Хотя, конечно, «поэт» надо было поставить на первое место, потому что Саша по жизни сначала поэт, а потом всё остальное: муж, друг, отец, дедушка...

– Я в Знаменском стал реже бывать. В хосписе маленькую церковь сделали, в честь иконы «Всецарица», мы там теперь причащаемся. Народу мало, все свои. Ты же рядом живёшь, приходи! Батюшка молодой, но в силе! Алексей. После службы чай пьём все вместе, беседуем. Каждый друг дружке рад! Приходи!

Через полгода он опять заговорил об этой церкви и взял с меня слово, что в ближайший вторник появлюсь обязательно.

Хоспис находился на улице Чкалова, в Соцгороде, как бы сказали кемеровские старожилы, в районе первых благоустроенных домов довоенной постройки. В юности я часто бывала в этих местах (моя студенческая подруга жила напротив хосписа, тогда ещё просто одной из городских больниц), любила да и сейчас люблю тихие здешние улочки, высоченные тополя (теперь их, правда, вырубают), рябины, разросшиеся клёны, черёмухи в старых дворах.

Шла я в хоспис (до него от моего дома короткой дорогой минут семь) и не могла представить, где в этом небольшом двухэтажном здании (там и для больных мест не так много) нашлось помещение для церкви?!

– Вы к кому? – спросила серьёзная охранница.

– Я в храм.

– Тогда – вот бахилы. Это женщины из храма сшили. Для тех, кто в церковь вашу ходит.

– А как пройти?

– В первый раз? По коридору до лестницы, на второй этаж, направо, через переход, опять направо и сами увидите.

Пошла. Тихо. На первом этаже запах из столовой – не противный, а вкусный, котлетный. На втором – запах уже другой, смесь больничного с тем, что всегда сопутствует тяжело хворающему человеку. Прохожу мимо палат. В одной дверь открыта, в глаза бросается измождённое мужское лицо на подушке. Дальше по переходу: линолеум обшарпанный, с заплатами, поворачиваю направо и захожу в открытую дверь.

И правда – церковь! В маленькой комнате – алтарь и распятие из дерева, стены расписаны, на аналое икона «Всецарица» (такая же была у меня дома), перекрестилась, поцеловала, огляделась по сторонам: Саши пока нет, знакомых тоже. Подошла молодая красивая женщина в форме сестры милосердия – косынка с крестиком, длинный передник на лямочках. Очень похожа на медсестёр с фотографий времён Крымской войны. Высокая, худенькая, взгляд приветливый.

– Проходите, здесь можно раздеться.

Она проводила в смежную комнатку. (Вешалка для одежды, шкаф, большой раскладной стол, маленький кухонный стол, на нём продукты в пакетах.)

Повесила мой плащ.

– Вас Александр Гумирович позвал?

– Да.

– Он скоро придёт. Меня Светой зовут.

– А я – Людмила.

– Хотите мне помочь?

– Да, если смогу.

– Сможете, мойте руки.

Так я познакомилась с сестрой милосердия Светланой. Уже тогда в недолгом нашем разговоре я обратила внимание на её открытость, внимательность, искренний интерес (именно интерес, а не любопытство) ко мне. Как позднее выяснилось, и ко всем другим, с кем Светлана общалась.

– Вот вам пряники, их нужно разложить по пакетам. У нас в хосписе есть палата, где бездомные лежат. К ним никто не приходит. Мы их после литургии чаем угощаем: когда с пряниками, когда с печеньем, когда и с тем и с другим, короче, с чем Бог послал. Сегодня, например, Лида яблочки принесла. Сейчас нарежем – и по пакетам!

Из разговора выяснилось, что почти все входящие в этот маленький храм (кроме лежащих в хосписе) приносят с собой продукты к чаепитию для себя и бездомных больных.

Раскладывая еду, я не сразу заметила, что в комнате один за другим собралось уже человек шесть. Светлана сортировала принесённые продукты, одновременно интересовалась о новостях у только

что пришедших, давала им работу и рассказывала о событиях в хосписе.

– А Матрона-то, – говорила она, – вчера меня попросила опять к причастию её подготовить.

– Правда?! – удивлялись женщины. – Она же на прошлой неделе только причащалась!

Я прислушивалась к разговорам, приглядывалась к окружающим, не особо вникая в происходящее. Это потом, почти через год, я лично познакомлюсь с Матроной, одинокой, парализованной, годами лежащей в хосписе женщиной, крещённой в этом храме и воодушевляющей смирением и терпением своим наших сестёр милосердия.

Саша появился одновременно с батюшкой. Оба зашли с улицы румяные, оба с бородой и весёлым взглядом.

В этот день литургии не было. Пели акафист Богородице «Всецарице». Пели все, кто был в храме: пришедшие из города и больные, кто смог дойти до храма со своих кроватей, всего человек десять. Пение наше транслировалось по радио в палаты.

После акафиста стали накрывать на стол, а отец Алексей со Светой и Марией, второй сестрой милосердия, пошли по хоспису причащать лежащих больных и помазывать освящённым маслицем всех желяющих.

Я расставляла бокалы для чая и одновременно знакомилась с женщинами. Были они в отличие от меня немногословны, но на вопросы отвечали доброжелательно. Я узнала, что приходят в храм кто через неделю, кто – через две. Приносят с собой, что могут: фрукты, печенье, булочки, овощи, пироги, торты, салаты, сыр, яйца варёные. Бездомным больным отдают только разрешённые врачами продукты.

Пришёл батюшка, и, помолвившись, сели за стол. Отец Алексей рассказывал о храме, который он строил в Польшаево, и о том, что нового прибавилось там за неделю. Говорил с улыбкой и азартом, так что я живо вообразила и высоту, и «широту» церкви, и красоту царских врат.

– Вот приедете и сами увидите! – закончил он рассказ.

«Да уж, вряд ли, – подумала я. – Даже и не представляю, где это Польшаево!»

Батюшка искренне интересовался делами собравшихся за столом, ему с радостью отвечали, советовались.

– А вы, я слышал, тоже стихи пишете, – обратился он ко мне после того, как Саша прочитал по просьбе Светы своё стихотворение из книги «Крест русского четверостишья».

– Пишу, но не так, как Саша. Он поэт настоящий, а я...

– Не прибедайся, Люся, у тебя стихи хорошие, иначе я бы их к печати не рекомендовал! – тут же возразил Александр.

– А чем вы занимаетесь? – поинтересовался отец Алексей.

– Риторiku веду в лицее и формальную логику.

Все заинтересовались столь необычными для нашей школы предметами.

– А давно Вы там работаете? – спросил батюшка.

– Да с самого основания лицея, уже четырнадцать лет. Сначала там замдиректора по воспитательной работе была, но устала, решила передохнуть. Теперь подруга вместо меня надрывается.

– Значит, у вас теперь времени свободного побольше?! И живёте здесь близко, я слышал. А нам, сами видите, помощь нужна! Приходите! Работы много! – весело, как бы шутя сказал батюшка и вопросительно посмотрел на меня.

– Да, я, конечно, буду сюда приходить. Может, не каждую неделю, но обязательно приду.

Слово я сдержала и действительно два раза в месяц приносила продукты, готовила гостинцы для бездомных, пела со всеми вместе акафист. Голос у меня громкий, слух есть (правда, в школе музыкальной училась всего год). Но папа был хормейстером, и я с раннего детства пела вместе с родителями: мама первый голос, я – второй, папа – третий. Здесь мне это пригодилось.

Как и другие, я покупала что-нибудь поесть, помогала организовывать чаепитие для бездомных больных, но сама в палаты не ходила, этим занимались сёстры Светлана и Мария.

Мария – студентка филологического факультета университета. Молчаливая, внимательная, с плавной походкой и мягким обращением. Хорошенькая и с чувством юмора. Она ненамного была старше моей младшей дочери, но иногда мне казалось, что Маша и меня взрослее.

Саша оказался прав – в этой церкви все были рады друг другу, на дружеские отношения никто не претендовал, а просто молились и помогали чем могли, в основном продуктами, иногда уборкой храма.

Вскоре появился новый священник – отец Анатолий из храма в честь Рождества Христова, а отец Алексей стал приезжать редко – строящаяся церковь требовала его постоянного присутствия. Но всякая наша встреча сопровождалась его интересом к моим делам.

Однажды отец Алексей спросил:

– Не хотите попробовать себя в качестве сестры?

132

– Я??? Да что вы!!! Батюшка, я, наверное, произвожу ложное впечатление человека воцерковлённого, но на самом деле это не так! Я и ругаюсь, иногда со словечками всякими! И винца красного выпить люблю! Не думаю, что я заслуживаю вашего доверия! И в службах мало что понимаю, курсов, как Света и Маша, не заканчивала да и причащаться стала не так давно...

– Это не те причины, которые могут помешать... Но смотрите сами. Думаю, мы ещё вернёмся к этому разговору.

После я в смущении шла домой, перебирая эпизоды из своей жизни, связанные с церковью. Когда это началось?

В детстве нас с братом в храм не водили. Возможно, бабушка с собой брала, но я этого не помню. Я даже не представляла, где он находился в Белово (город, в котором родилась и жила до девяти лет). Но о Боге знала от бабушки Нюры. В углу её комнаты висела икона и иногда горела лампадка. Часто я слышала бабушкин тихий шёпот. Она молилась Богу.

Ещё с раннего детства помню Пасху. Перед её наступлением вся квартира заполнялась ароматами шанежек с творогом и булочек. В отваре из луковой шелухи красили яйца. Но есть это никому не разрешалось. Только после всенощной, когда из храма приходили баба Нюра со своей сестрой, нас с братом будили и садили со взрослыми за стол разговляться.

Когда наша семья переехала в Кемерово, о вере в Бога иногда (в основном навеселе) разговаривал со мной папа. Мама была истовой коммунисткой-атеисткой.

С седьмого по десятый класс я носила крестик и каждый вечер молилась, чтобы Господь помог мне поступить в московский театральный вуз. Не поступила, разочаровалась, но крест не сняла.

Поступила в Кемеровский институт культуры и в первые студенческие каникулы поехала в Белово по просьбе двоюродной сестры покрестить её дочь.

– Только ты ничего никому не говори! Мало ли злых людей! Ты ведь комсомолка, выгонят ещё, если узнают, – переживала сестра.

Я приехала и впервые вошла в храм. Крещение прошло спокойно и, как мне показалось, быстро. Никаких особенных эмоций это пребывание в храме у меня не вызвало. Ничто не встрепенулось в душе, но ничего и не противилось в ней, ничего не напугало, не удивило.

Через некоторое время мне удалось (тогда этот роман было сложно достать) прочитать «Мастера и Маргариту» Михаила Булгакова. И сразу возник ин-

терес к Богу и безусловное принятие Христа. У подруги от бабушки осталось Евангелие. Я читала и понимала и умом, и сердцем, что это – необыкновенная книга! Такую специально не сочинишь! Но всё же знаний моих было недостаточно для полного осмысления написанного в ней.

Прочтение Евангелия не привело меня в церковь. Я даже не знала точного места её нахождения в городе, слышала, что она где-то на правом берегу.

Вскоре начался тяжёлый период в моей жизни: один за другим умерли бабушка Нюра, моя любимая тётя Полина, папина сестра, и, скоростижно, папа. Знаю, что их отпевали в церкви, но за горем об этом в памяти ничего не осталось.

Потом в перестроечные времена меня направили (работала уже в лицее) на краткий курс повышения квалификации. На одной из лекций новый оратор неожиданно стал рассказывать о том, что смерти нет, а человек вечен. Оказался он из Рериховского общества. После коммунистической идеологии странно было услышать подобное с официальной трибуны, но... перестройка же.

«Ну если о вечной жизни говорят уже на курсах повышения квалификации, то, значит, она точно есть», – с некоторой иронией подумала я.

Лектор тем временем «сортировал» все виды религий, признавал за ними истину, но неполную, потому что последняя её инстанция – это учение какой-то супердамы по фамилии Блаватская. Постулаты этой теории были явно чуждыми мне. Но мысль о реинкарнации соблазняла. В голове моей как-то примирились и представления о Христе, любовь к Нему, и мысли о возможности родиться много раз, совершенствуясь с каждой новой жизнью.

Однажды на вечеринке с друзьями мы стали обсуждать эту тему. И выяснилось, что Андрей, один из наших приятелей, – умный, талантливый, успешный предприниматель – непоколебимо стоит на позиции православия. Посты соблюдает, в храм ходит. Разубеждать меня он ни в чём не стал, но логика его ответов заставила на некоторое время задуматься о хаосе моего религиозного мира.

Потом в эти же перестроечные времена я случайно зашла в один из многочисленных открывшихся тогда антикварных магазинов на Арбате и решила купить икону. Денег было немного. Продавец, молодой, но знающий своё дело парень, посоветовал:

– Купите святителя Николая.

Я вспомнила, что часто слышала это имя и от бабушки, и от других людей.

– Чудотворца? – уточнила.

– Да.

Дома мы с мужем повесили икону, но молитвы перед ней я не читала. Раза два в месяц ходила на службы в Знаменский храм, просто стояла, молилась, но не причащалась. В церкви иногда чувствовала испытывающе-придирчивые взгляды старушек и истовых прихожан, наверное, когда невольно, по незнанию нарушала какое-нибудь правило поведения в храме.

По примеру Андрея старалась держать Великий пост. (Ох, не сразу мне это удалось! Не сразу!) На Светлое Христово Воскресение стряпала пироги, делала творожную пасху, всей семьёй ходили на крестный ход, но на всенощную не оставались. Наутро был полный дом гостей: «Христос воскрес!».

Однажды летом всей семьёй поехали на четыре дня в Белокуриху. Добираться муж решил на крутой дорогой машине (Lexus-400), которую ему предлагали купить, а в этой поездке испытать её. Я была против, просила не изменять проверенной нашей «девятке», но муж настоял.

– «Лексус» – просторный, надёжный, со встро-енной противоугонной системой!

В Белокурихе нас ожидал шикарный губернаторский номер. Мы с дочерьми взяли с собой самые лучшие наряды, муж накопил дорогого спиртного.

По дороге на ночь остановились у знакомых в Барнауле. Утром двинулись дальше. Едем, а в голове у меня вертится одна мысль: «Жаль, что Татьяне ничего не сообщила о приезде. Может, встретились бы». Это моя приятельница, раньше мы вместе в институте работали, а теперь она жила в Барнауле.

И дальше я живо представила, как подъезжаю в шикарной машине, одетая по последней моде... Короче, гордыня выиграла! Вдруг из окна увидела красивый храм.

– Давай зайдём, – говорю мужу.

– Давай!

Вышли и с дочками прошли в церковь. Народу почти никого.

– А в честь кого храм? – спрашиваю служительницу.

– В честь Николая Угодника, – отвечает.

И правда, на алтаре вижу его образ. И вдруг чувствую необъяснимое желание помолиться. Встаю на колени перед этой иконой и мысленно искренне прошу:

– Святитель Николае, пусть все мои близкие будут живы и здоровы, и приведи нас – меня, мужа, детей – к вере, пожалуйста! – повторяла так несколько раз.

Потом мы поставили свечи и вышли. Двинулись в путь, из любопытства остановились у магазина,

хотя могли ехать дальше, и так всё было куплено. Через пятнадцать минут вернулись – а машины нет. Угнали. Со всеми вещами. Хорошо, что сумку с документами и деньгами муж взял с собой.

Когда чувство растерянности сменилось осознанием суммы повисшего на нас долга, я в первую очередь подумала о муже. Было видно, что он потрясён.

– Папа, не расстраивайся, – ободряла старшая дочь. – Мы живы. Вместе.

Но он уже звонил знакомым, и вскоре нам помогли выйти из этой ситуации: дали на время какую-то одежду, довели до Белокурихи, а через несколько дней и до дома.

«И правда, – думала я, – ничего страшного не случилось!»

Но слёзы лились сами собой. Представлялось, сколько возможностей для семьи упущено вместе с суммой, которую мы должны были теперь отдать за чужую машину.

По приезде в Кемерово я с тяжёлым сердцем пошла в церковь и не заметила, как во время службы отпустила тревога, пришли примирение с ситуацией и уверенность, что проблема обязательно решится.

И действительно, вскоре машину нам обещали вернуть за выкуп. За своим «Лексусом» мы снова ехали в столицу Алтайского края, но мой душевный настрой уже отличался от состояния, в котором я находилась, когда добирались до Барнаула в первый раз. За время между поездками я сходилась на исповедь и причастилась. Правда, особых грехов за собой не обнаружила – три или четыре, не больше. Но на сердце стало как-то легче, спокойнее.

Периодически в мои руки попадали книжки, статьи о поведении в храме, о житиях святых... Но системы в знаниях не было. По совету Андрея я прочитала (быстро и с большим интересом) «Закон Божий». И сразу в голове наступила ясность.

В храм стала ходить регулярно, раз в месяц, и однажды на дверях Знаменской церкви увидела объявление о паломнической поездке в женский монастырь в Могочино (север Томской области). Почему я вдруг решила поехать?! Вроде в семье проблем не было... И всё же дочери мои находились в подростковом возрасте, в последнее время стала появляться какая-то отчуждённость, недосказанность в наших отношениях.

Добирались до монастыря на автобусе десять часов, а должны были доехать за четыре, максимум пять. (В дороге лопнуло колесо, запасное оказалось диаметром меньше остальных. Монтажные

137

мастерские были закрыты.) Медленно, «прихрамывая», прикатили всё-таки на запаске.

Поселили меня у монахини Зои, лет пятидесяти семи на вид (она жила в домике за территорией монастыря). С дороги я так устала, что, отдав привезённые гостинцы (зимние вещи, что-то из посуды), тут же собиралась лечь спать, время было уже к ночи.

– Нет, – сказала монахиня, – сейчас пойдём в храм, а потом к исповеди готовиться будем.

Пришли. Монахини и паломники собрались на монастырском дворе, и начался крестный ход вокруг храма с чтением молитвы «Богородице Дево, радуйся!».

Молитву я наизусть не знала и, когда подошла моя очередь читать, призналась в этом. Через годы поняла, что незнание этой одной из основных и к тому же короткой молитвы для окружающих было равносильно признанию, что в монастырь я приехала случайно.

Когда вернулись обратно в домик, монахиня Зоя заварила чай, а я достала привезённые пироги. За столом разговорились.

– У нас на престольный праздник всегда народу много.

– А что такое престольный праздник?

– Ох, да ты в церкви, видно, совсем недавно?

– Да.

– Храм наш в честь святителя Николая освящён. Завтра его праздник. Никола летний.

После чая монахиня дала мне тетрадь, в которой были написаны возможные прегрешения. Они уборым почерком помещались листах на двадцати.

– Вот, посмотри! Это для монахинь, но и для себя, может, чего найдёшь там.

Я стала пролистывать. Обнаружилось, что в этой тетради перечислено было большинство моих поступков. Например, грешно танцевать. Подумала: «Ну уж нет! Слишком строгий подход!».

Потом дочитала до греха убийства, собиралась пролистнуть страничку с возможными его вариантами, ведь не убивала никого, но наткнулась на слово «аборт»!

Почти никогда не вспоминала я об этом своём поступке. Всегда оправдывала себя силой обстоятельств и мыслью, что это делают большинство женщин, что это норма современной жизни. Но сейчас вдруг поняла, что действительно совершила грех, смертный грех!

Ранним утром мы пришли в храм. Ещё вчера в этой церкви на чтении вечернего молитвенного правила я почувствовала спокойную отрешённость от обычных своих тревог, смирение, что вообще

мне мало свойственно. Сегодня это состояние вернулось, я вслушивалась в слова священника, всматривалась в лики икон, откликнулась душой на пение монахинь. Подошла моя очередь исповедоваться. Развернула свой листок и неожиданно для самой себя не смогла прочесть ни слова. Сначала слёзный ком, а потом и сами слёзы – обильные, с рыданием, как в детстве, стали началом моей исповеди. А потом наступило облегчение, тоже как в детстве, когда мама тебя простила и пожалела.

После службы, уже перед отъездом, решила купить икону Богородицы.

– Вы возьмите «Всецарицу»! Она у нас одна, – советовала монахиня за прилавком. – Сама такую хочу, но дорогая, денег столько нет. Смотрите, красота-то какая! У нас такая в первый раз продаётся. Её с Афонской чудотворной списали. Ей молятся об избавлении от болезней, от рака особенно.

Так в нашей квартире появилась икона «Всецарица». А потом увидела её в храме хосписа.

«Да! Совпадения!» – думала я.

А через полтора года в хосписной церкви некому стало работать: Светлане пришлось срочно уехать, а у Марии начались ГОСы. Отец Алексей опять попросил меня помочь, и я согласилась.

2

135 Многие люди в хоспис даже заходить боятся. Действительно, большинство пациентов здесь лежат с четвёртой стадией онкологии или после перенесённого инсульта. В других больницах им уже провели курс лечения, но безрезультатно, человек не выздоровел, и, возможно, это уже не произойдёт никогда.

Наверное, поэтому хоспис у многих вызывает страх: попал туда, значит жить тебе недолго. Но никто, кроме Бога, не знает, во сколько дней, месяцев, лет обернётся это «недолго». И только сам болеющий человек может оценить то облегчение, которое он получает от квалифицированной помощи врачей, медсестёр, санитаров этой больницы. А для отчаявшихся родственников хоспис – это иногда единственная возможность хоть чем-то улучшить самочувствие близкого человека.

Когда от рака умирала моя мама, таких больниц не было. Я, конечно, научилась делать уколы и клизмы, но, например, о капельницах, снимающих токсикацию и таким образом хотя бы на время убирающих тошноту, не знала ничего. Состояние полной беспомощности перед болью родного человека до сих пор, а прошло уже больше тридцати лет, мучительно вспоминается мне. Я знала, что мама не бо-

ялась смерти, она ждала её как избавления от беспрерывных страданий. А я мало чем могла утешить, у меня самой не было душевных сил ни переносить это испытание, ни, тем более, смириться с ним. Мысль о Боге выражалась только в восклицаниях: «За что, Господи?! И почему это – моей маме?!». Вот бы мне тогда со священником поговорить!

А в хосписе такая возможность есть. Каждый вторник в храм приходит батюшка: ведёт службу, исповедует, причащает, проводит таинство крещения, беседует с родственниками и медперсоналом. Священники, с которыми я общалась в хосписе, возрастом были младше меня. Но я всегда чувствовала непоколебимую силу их веры, во мне вызывали уважение исходящие от них спокойствие и уверенность в безусловной правоте своего дела.

Когда я стала сестрой милосердия, в храм хосписа чаще других священников приезжал настоятель церкви Рождества Христова отец Анатолий Штефан. Улыбчивый, с добродушно-сияющим взглядом, внимательный и скромный человек. Тогда ему было немного за тридцать лет. Зайдёт он в храм, благословит, и усталость моя как рукой снимется. Обстоятельный, день у него по минутам распisan, но никуда не спешит и успевает везде: к нам в больницу, к верующим в колонии, на курсы богословские. А ещё надо дочек из музыкальной школы забрать, жену с работы и уже всем вместе поехать домой за двадцать километров от города, в посёлок Промышлénка.

Никогда не видела, чтобы отец Анатолий кого-то поучал, мнение своё навязывал. Собеседника слушает внимательно и доверчиво. Лукавство сразу замечает, но не сердится, не осаждаёт, а так повернёт разговор, что самому человеку неловко станет. Всё у батюшки просто получается, как бы само собой.

Вот однажды в храм зашла Ольга Петровна – врач, а с ней женщина, по виду сразу скажешь: устала и настрадалась.

– Отец Анатолий! Мы вот с чем пришли... – начала Ольга Петровна. – У нас лежит муж этой женщины. Привезли его без сознания, за три недели так в себя и не пришёл. Мы уже ничего сделать не можем.

– Пять лет болеет. Батюшка, помогите! – тихо просит женщина. – Может, молитва какая есть? Мучается он! Стонет, мечется! Больше месяца так лежит. Жалко его, сил уже нет!

Отец Анатолий взял требник, и они пошли в палату. Через минут пятнадцать батюшка вернулся.

Говорю:

– Я с таким первый раз встречаюсь. Действительно есть такая молитва?

– Да. Чин на разлучение души от тела. Когда человек долго страждет, – ответил отец Анатолий и стал надевать пальто – пора было уходить.

Когда уже был в дверях, вернулась Ольга Петровна.

Смотрит на него, глаза широко раскрыты:

– Батюшка! Умер он. Только что скончался!

– По воле Божией. Царствие небесное рабу Игорю, – спокойно сказал батюшка. Для него это было нормой, а для нас с Ольгой Петровной – чудо.

Рядом с отцом Анатолием вообще много необычного происходит. Например, приходишь на службу в его маленький храм, построенный в бывшем магазинчике в посёлке Промышлénка, и удивляешься количеству прихожан, которых он вместил. Многие приезжают из города. С каждым годом желающих побывать на службе у отца Анатолия становится больше. И никому не тесно.

Не тесно и в доме, в котором живёт семья батюшки. Дом достался ему от деда. Всего-то тридцать пять квадратных метров: три комнатки и кухня. А десять лет назад на этом пространстве размещались отец Анатолий с матушкой Жанной и шесть их детей – мальчик и девочки, причём две старшие уже в возрасте невест.

Сначала я не могла понять, как это возможно: взрослые дочери у молодого человека, но потом узнала, что пятеро детей – приёмные. В самом начале их история усыновления похожа на многие подобные, описанные в газетах и журналах. Отец Анатолий с матушкой Жанной очень хотели детей. По мнению врачей, появлению ребёнка ничего не мешало, пять лет ждали радостного события, но... не случилось. Тогда решили взять под опеку шестилетнюю девочку из детского дома – Кристину. У неё даже внешнее сходство было с приёмными родителями. Пока оформляли документы, матушка сообщила, что Господь услышал их молитвы. Говорят, похожие истории случаются со многими парами. Но в семье отца Анатолия было необычное продолжение.

В их маленьком посёлке почти все друг друга знают, общаются. Случилось, что в одной семье произошло несчастье: родителей за пьянство лишили родительских прав, осталось четверо детей – сын и дочери. Их отправили в детский дом. Но им, конечно, хотелось жить, как и прежде, среди привычного окружения, учиться в своей школе, общаться с прежними друзьями. Они приезжали в посёлок, их часто забирала тётя, прихожанка храма, к себе домой погостить. Иногда дети оставались с ночёвкой. Но случилось так, что тётя в нескольких местах сломала ногу и надолго оказалась прикована к по-

стели. А у батюшки с матушкой были готовы документы, чтобы взять приёмных детей.

Как раз в это же время администрация города разрабатывала программу поддержки приёмной семьи. Программа не предполагала усыновления, но давала возможность стать опекунами детей и жить одной семьёй.

Однажды батюшка пришёл со службы и спокойно и просто сказал: «Видно, судьба такая, будем детей к себе забирать на выходные, а там – посмотрим». Так у отца Анатолия с матушкой Жанной появились ещё три дочери и один сын. Документы оформляли постепенно, но уже не расставались.

За словами «удочерение», «усыновление» знающий жизнь человек может представить не только радость общения в семье, но и те препоны и трения, которые сопровождают сложный процесс возникновения душевного и тем более духовного родства между чужими людьми. Не обошли проблемы и семью отца Анатолия. Но Бог давал терпение, силы, а главное – любовь. И всё налаживалось и превозмогалось: пусть в тесноте, но не в обиде, а в радости и заботе выросли приёмные дети. Образование получили. Теперь живут самостоятельно, воспитывают своих детей. А у батюшки с матушкой родилась ещё одна дочь. Они и счастливые родители, и бабушка с дедушкой десяти внуков и внучек.

Мне всегда хотелось узнать, почему молодые люди становятся священниками? Когда к ним приходит эта мысль? Растут простыми (или нет?) мальчиками, в школу ходят, как все. А потом – раз... и священник?! Почему они делают такой выбор? Через два года нашего знакомства, когда мы общались уже семьями, отец Анатолий рассказал о том, как пришёл в церковь.

«Мой папа – немец, мама – русская. Я родился в Томске. До сих пор люблю этот город. Родители преподавали высшую математику в университете. Добрые, интеллигентные люди. От религии они были далеко, нас с братом не крестили, но к верующим относились с уважением. Особенно к семье Фаста Вильгельма Генриховича. Когда-то он был их наставником в профессии. Мы ходили к ним в гости, брат и я играли с детьми Вильгельма Генриховича – дочерью Аней, моей ровесницей, и старшим сыном Михаилом.

В девять лет наша семья переехала в Кемерово, в район Шалготарьяна. Родители стали работать в кемеровских вузах, а мы с братом пошли в 92-ю школу. Учился нормально, без троек. В шестом классе увлёкся фотографией, тогда же ещё цифровой техники не было, снимал, проявлял, закреплял,

потом, в трудные времена, мне это пригодилось для заработка. С девочками не гулял. Знаете, я стеснительный был да полноватый к тому же. Вечерами сидел за книжкой или у телевизора.

Однажды на каникулах в доме у бабушки с дедушкой (они жили в Промышлёнке) на чердаке среди старых книг нашёл «Закон Божий», прочитал, многое понял. Позднее в руки попал роман «Мастер и Маргарита» Булгакова. Взволновал меня, но к церкви не приблизил. Я вообще о ней тогда мало знал. Помню, что про Пасху слышал от бабушки с дедушкой, они говорили, что грех работать в этот день. А мы то огород копали, то ремонтом занимались.

Когда окончил школу, поехал обратно в Томск, поступать в университет на радиофизический факультет. Сдавал экзамены, а между ними возобновлял старые знакомства. Это был период, когда во мне появилась гордость за то, что я – немец. Очень мне хотелось как-то утвердить в себе это. Думал, может, католиком стать? Вспомнил о семье Фастов. Они были немцы, и я считал их католиками. Пошли с мамой к ним в гости. Встретили нас сердечно. Посмотрел на Аню и... совсем другая она стала, взрослая и очень симпатичная. Брат её Михаил к этому времени оканчивал политех, уже отслужив в армии. Разговорились.

– А ты, Анатолий, крещёный? – спрашивает Аня.

– Нет. Вот хочу католичество принять, как вы.

– А мы-то все православные, – вступил в разговор Михаил. (Кстати, он потом тоже священником стал.)

– Давай и тебя покрестим?! – воскликнула Аня.

Несмотря на юный возраст, она оказалась глубоко верующей девушкой. Серьёзная, с твёрдым характером. Короче, понравилась мне. Стал я часто в гости к ним наведываться. И, конечно, крестился. Произошло это в крестильном храме при Петропавловском соборе города Томска. Сначала священник огласил меня, дал задание Символ веры выучить и пост продержать три дня.

Молитву выучил, а пост немного нарушил. Крестили меня полным погружением в потайной купели. Сделали её в период советских гонений на церковь. В полу храма – скрытая дверца, открываешь её, а там – зацементированное довольно большое углубление. Наливают воду и во время крещения погружают. Так что в шестнадцать лет стал христианином.

Продолжал ходить к Фастам, из-за Ани, конечно, а вместе с ней и церковь посещал. Потом понял, что наши отношения только дружеские и такими останутся.

Через год примерно на свадьбе двоюродной сестры встретился со своей будущей женой Жанной. Она тоже училась в университете, но на другом, филологическом, факультете.

Жанна – это отдельная тема!!! Я тогда даже не представлял, с каким цельным, целеустремлённым человеком познакомился! Не поверите, она ещё в детстве поняла, что хочет стать учительницей, а в юности в своём дневнике писала: «Хочу быть верной женой и родить много детей». Жанна, когда я познакомил её с Фастами, стала подружкой Ани. У нас тогда при церкви образовалось что-то вроде молодёжного православного братства. Мы ходили в детский дом, водили детей в храм. Меня попросили быть крёстным отцом трём девочкам, объяснял детям как мог Символ веры. Жанна стала крёстной матерью и всегда была рядом со мной.

Но поженились мы с ней только через три года. За это время жизнь моя изменилась. Я как-то разочаровался в профессии, запустил учёбу, а может, сначала запустил учёбу, а потом разочаровался?.. Уехал к родителям в Кемерово, устроился на «Азот», на третий «Аммиак», кипповцем. Знаете, с радостью вспоминаю это время. У нас подобрался коллектив в основном из молодёжи. Мы в отличие от старшего поколения спиртное редко употребляли, дни рождения с тортами отмечали. А «старики» так после каждой смены водочкой баловались. Я уже через год стал бригадиром. Любил ходить в ночную смену: агрегат светится огоньками, как ёлка, никого нет – романтика.

На выходные приезжал в Томск, с Жанной встречался. Она, пока меня не было, крестников моих не оставляла, ездила за ними в детский дом, а это другой край города, и везла в храм и обратно.

Свадьбу играли в Томске, а жить стали в Кемерове – сначала у родителей, а когда умер мой дедушка, переехали к бабушке в Промышлёнку. Знакомых верующих в городе не было, и мы в церковь стали ходить редко, только по праздникам.

Через два года после свадьбы родился сын Иван. Это, конечно, было счастье! Но выяснилось, что у него порок сердца. Жанну с ребёнком из роддома перевели в многопрофильную больницу. Каждый день я ездил к ним и молился истово, горячо! Через полтора месяца Ване стало лучше, их выписали, мы приехали домой. Ваня стал набирать вес, мало чем отличался от своих ровесников. Я успокоился, молиться перестал. Прошло два месяца, и сыну внезапно стало хуже. Увезли в больницу, и... умер он. Потом врачи сказали, что с таким недоразвитым сердцем Ваня вообще не должен был жить.

Да, тяжело было! В голову приходили всякие мысли. В том числе и о том, что Богу надо молиться не только когда плохо, но и... всегда. Пересмотрел, проанализировал свою прежнюю жизнь, поступки свои, все грехи вспомнились. Мы с Жанной стали часто ходить в Георгиевский храм, а потом открылся Троицкий. Там нас приметил настоятель, отец Пётр, позвал Жанну на клирос петь, а меня пономарём сделал.

В те времена множество людей стало приходить в православие. Храмы строились, а священнослужителей не хватало.

Однажды отец Пётр предложил мне стать дьяконом, а через год – иереем. Его предложение вызвало изумление: я же совершенно не готов, не соответствую! Но со временем отец Пётр убедил меня, я стал постоянно присутствовать на службах, запоминать, помогать. Потом меня «на стажировку» в Знаменский храм отправили... Короче, через год стал дьяконом, а спустя восемь месяцев – иереем.

А потом в посёлке Промышлёнка, где мы жили, сами прихожане добились, чтобы руководство шахты Волкова выделило им маленький дом под церковь, женщины убрали храм, принесли личные иконы, и стало возможным проводить там службы. Но постоянного священника не было, поэтому сразу после моего рукоположения я стал настоятелем этого маленького храма в честь Рождества Христова. В выходные дни служил там, а в будни – в Троицкой церкви.

Думаю, что это наш Ваня привёл меня в священники».

3

Думаю, что мало кто из горожан представляет, чем действительно занимаются сёстры милосердия в хосписе. Многие мои знакомые сначала предполагали, что мы ухаживаем за больными: занимаемся их гигиеной, меняем постельное бельё, выносим судна...

Нет. Это входит в обязанности санитарок, специально обученных, делающих всё с профессиональной сноровкой.

Хотя, конечно, иногда сёстры помогают увести или привести больного, накормить его, уложить или посадить. Но по инструкции люди без специальной подготовки к уходу за пациентами не допускаются.

А чем же тогда занимаются сёстры милосердия? Они организуют работу в храме так, чтобы священник, не затрачивая дополнительное время и силы, мог выполнять свою главную миссию: духовно окормлять прихожан, большинство из которых уже неходячие.

138

В больнице два корпуса, семьдесят никогда не пустующих коек для больных. С каждым пациентом сёстры знакомятся, рассказывают о возможности покреститься, приобщиться к таинствам исповеди, причастия. Часто встречаются больные, которые впервые слышат подобные слова, и тогда сестры объясняют их значение, смысл, отвечают на вопросы.

Во время обхода палат нужно выяснить, сколько человек желает причаститься, а позднее каждому из них рассказать о правилах исповеди, прочесть молитвы, необходимые для таинства, записать, если сам больной не может, прегрешения.

Многие никакого греха за собой не видят.

– В чём каяться? Я же не убивал, не воровал!

– Не сквернословил?

– Так разве это грех?! Все матерятся! Сейчас так разговаривают!

– Так, значит, сквернословие не писать?

– Ну почему, пишете.

– Выпивали?

– А кто не пьёт?

– Не писать?

– Пишите.

– Осуждали кого-нибудь? Обижались?

– А разве и это грех? Меня обидели, и я же согрешил, что обиделся!

Рассказываю о грехе гордыни, а потом и о многих других: чревоугодии, детоубийстве (напоминаю об абортках), зависти, обмане, честолюбии...

В день, когда приходит батюшка и поётся акафист в честь иконы Божией Матери «Всецарица», сёстры после причащения больных раскладывают по пакетам разрешённые продукты (их покупают и сами сёстры, и прихожане), а потом разносят в палаты к бездомным.

Бездомные. Люди без определённого места жительства. Бомжи. В хосписе для них отведено 15 коек. Бездомных можно отличить по загорелой, покрасневшей коже лица, по пальцам с отсутствующими фалангами, по неровной, часто прихрамывающей походке, но главное, по взгляду – настороженному и одновременно оценивающему. Наверное, опыт выживания в условиях не совсем человеческих выработал у них интуицию или даже чутьё, по которым они почти безошибочно определяют, что за человек перед ними? Опасен ли? И что с него можно взять?

В хоспис бездомные попадают по разным причинам: кто-то продолжает лечение после обследования в других больницах, кто-то проходит комиссию для установления инвалидности, кого-то привозят полуживым с улицы.

В день, когда я первый раз осталась в храме за старшую сестру, как раз поступил такой больной. Его поместили в отдельную маленькую палату. Посмотрела из коридора через открытую дверь: худой, будто под одеялом нет человека, нос заострился, но взгляд ясный, внимательный.

У врача узнала, что у него рак уже с метастазами. Вошла в палату.

– Здравствуйте! Как вас зовут?

– Николай, – ответил тихо, но внятно.

– Николай, вы крещёный?

– Да.

– У нас здесь можно причаститься.

– Как это?

– Никогда не причащались?

– Нет.

– И на исповеди не были?

– Это про грехи надо рассказывать?

– Да.

– Не был.

– Хотите?

Он кивнул:

– Хочу.

– Завтра утром батюшка придёт. Сегодня можете записать прегрешения, я ручку и бумагу принесу.

– Не надо, так расскажу.

К вечеру Николаю стало хуже. Дыхание участилось, губы запеклись. Я заходила, давала воды.

– А он рано придёт? – вдруг спросил Николай.

– Кто? Батюшка?

– Да.

– К десяти должен. Едет издалека. Может, всё-таки запишете? Я помогу вам.

Покрутил головой. Глаза закрыл.

Перед уходом из храма ещё раз увидела Николая, он спал. Дома всё время думала о нём, очень хотела, чтобы дождался отца Анатолия. Утром сразу же зашла в палату. Николай был в забытьи, но иногда приходил в себя, говорить уже не мог, но меня узнавал и вопрошающе смотрел.

– Едет батюшка, уже скоро будет, – успокаивала я, а потом в который раз пыталась дозвониться отцу Анатолию. Телефон опять был недоступен.

Батюшка позвонил сам и предупредил, что задерживается: колесо по дороге пришлось менять.

Николай умер за десять минут до прихода отца Анатолия. Без исповеди.

Я плакала, чувствовала себя виноватой, что не смогла убедить его записать прегрешения. Светлана утешала меня, а батюшка сказал:

– Людмила, молитесь об упокоении его души. И не забывайте, что всё происходит по Божией воле.

Прошло тринадцать лет. Теперь начинаю понимать, что переживания мои были, наверное, от маловерия. Имя Николая стоит первым в моём поминальном списке усопших в хосписе. До сих пор вижу его вопрошающий взгляд.

Среди бездомных часто встречались желающие покреститься. Мы готовили их, объясняли молитву Символ веры, рассказывали о том, что крещение открывает возможность начать новую жизнь. И, честно говоря, хотелось узнать, хватит ли у покрестившихся духовных сил действительно начать жить по-новому? Смогут ли они измениться? Ответа на эти вопросы получить мы не могли, но иногда были свидетелями перемен, которые происходили с покрестившимся, даже за небольшой срок их лечения в хосписе.

Андрея привезли в больницу почти бездыханно. Высокий, жилистый, светловолосый. Никто не знал, откуда он и есть ли у него родственники. Измождённый, весь в синяках и ссадинах. На вид молодой, лет тридцать, но взгляд, как у старика: потухший и безразличный.

– Живого места нет! Кто и где его так?! – сокрушалась врач. – Анализы плохие!

– Выкарабкается? – спрашиваю.

– Бог его знает! У него ещё и части ступни нет, наверное, после обморожения ампутировали. Посмотрим... Организм молодой, может, и возьмёт своё.

Андрея положили в ту же палату, в которой когда-то лежал Николай. Когда зашла к нему, он на меня даже не посмотрел. Спросила, крещёный ли.

– Нет, – ответил, не глядя.

– В больнице есть храм, можно покреститься.

– А зачем? Всё равно умирать уже.

– Все умрём. Это правда. Но у Бога мёртвых нет. Душа вечная. Только Он знает, когда её призовет к себе. А душе с Богом всегда легче.

Молчит. Когда стала выходить, спросил:

– А когда креститься надо?

– Когда священник придёт в храм, дня через четыре.

– Ну доживём – увидим.

За день до приезда батюшки от врача узнала, что у Андрея полно болячек, но тяжёлых заболеваний нет, хотя нет и желания жить, депрессия. Зашла к нему в палату. Он лежал, глядя в потолок, на мой приход не отреагировал. Присела на стул рядом с кроватью.

– Не против, если я вам молитву небольшую прочитаю? Одну из моих любимых?

– Читайте, мне всё равно.

Тихо начала читать молитву Оптинских старцев:

– Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить всё, что даст мне сей день. Господи, дай

мне вполне предаться воле Твоей Святой. Господи, на всякий час сего дня во всём наставь и поддержи меня. Господи, открой мне волю Твою для меня и окружающих меня. Господи, какие бы я ни получил известия в течение дня, дай мне принять их со спокойной душой и твёрдым убеждением, что на всё Святая воля Твоя. Господи, Великий, Милосердный, во всех моих делах и словах руководи моими мыслями и чувствами, во всех непредвиденных обстоятельствах не дай мне забыть, что всё ниспослано Тобой. Господи, дай мне разумно действовать с каждым из ближних моих, никого не огорчая и никого не смущая. Господи, дай мне силу перенести утомления сего дня и все события в течение его. Руководи моею волею и научи молиться и любить всех нелицемерно. Аминь.

Андрей молчал.

– Завтра придёт отец Анатолий. Если хотите покреститься, я подготовлю вас.

– А что делать надо?

Рассказала, прочитала Символ веры, объяснила.

На следующий день батюшка в палате покрестил Андрея и предупредил, что нужно подготовиться к исповеди.

– Хотя грехи все по крещению прощаются, но когда это таинство принимает человек взрослый, желательно, чтобы он всё же назвал их.

Андрей согласился, я принесла книжку о правилах покаяния, ручку и небольшой листок.

К следующему приходу отца Анатолия Андрея перевели в общую палату к остальным бездомным. Он уже вставал и даже пытался ходить с костылями. Я его даже сначала не узнала: ссадины на лице зажили, волосы чистые, смотреть стал по-другому – с интересом к происходящему.

Увидев меня, сразу оживился и спросил:

– А ещё бумагу можете мне принести?

Оказалось, что не вошли все его прегрешения на небольшой оставленный мной листок.

– Принесу конечно!

– Сестра, скажи, – обратился один из больных, – вот зачем каяться? Бог же и так грехи наши знает, раз он Всевидящий?

Обычно в палате всегда найдётся человек, который хочет своими вопросами завязать беседу о вере в Бога без посещения храмов, без исповедей и общения со священниками. «У меня Бог в душе, и этого достаточно». Говорят, например: «Попы, они ведь люди, значит, тоже грешники. Так что я им каяться буду?!»

Сложно найти такой ответ, чтобы и правда была, и не обидеть при этом, и самой не запутаться.

– Ну каяться будете не ему, а Богу, – отвечаю, – а священник вместе с саном получил разрешение просто отпускать грехи. Или у вас грехи особенные? Для них особый священник нужен? Только святому покаетесь?

Меняют ли они свои мнения? Не знаю. Времени на подготовку ответа нет. Говоришь, что знаешь и в чём уверен.

Вот и в тот раз на вопрос «зачем каяться» попыталась объяснить:

– Родители, когда мы детьми были, тоже знали о наших шалостях, но ждали, пока мы сами поймём ошибки, поплачем и прощения попросим. Тогда толк будет. Душа просветится.

Исповедуются в основном перед причастием. А причастие – это когда сам Иисус Христос через принятие освящённых даров входит в нас.

Вот мы живём и грешить-то специально не хотим, но всё равно грешим, думаем: с Нового года или с понедельника начну жизнь новую. А не получается. Потому что без Бога хотим. А чтобы получилось, нужно с Богом. Нужно причаститься. Принять Бога в себя! А как он в нас войдёт? Мы же не наливаем лекарство в стакан, наполненный грязью? Вот и тело наше, как сосуд, без покаяния весь загрязнён. Как Господь войдёт, чтобы помочь? Ему места нет. А покаемся – место, глядишь, и освободится. Потом причастись, и с Божией помощью жить легче станет...

Понятно ли я объяснила? Не знаю. Но слушали внимательно, особенно Андрей, других вопросов не задали.

Исповедался и причащался Андрей уже в храме, сам захотел прийти, хотя дошёл с большим трудом, весь вспотел от напряжения и слабости.

Пока Андрей лежал в хосписе, он причащался, как только приходил батюшка. За это время читал книжки, которые по его просьбе я приносила из храма. Иногда подолгу беседовал с отцом Анатолием.

Перед выпиской пришёл в храм, свечку поставил и нам спасибо сказал. Смотрели мы ему вслед и радовались, что идёт, хоть и с костылями, но на своих ногах.

– Вот бы ему женщину, чтобы полюбила его! Поняла! И работу бы! Да где сейчас найдёшь в нашей стране!

– Людмила! Не его ли месяц назад на носилках принесли? На все воля Божия!

4

С Александрой Владимировной мы вместе работали в лицее. Красивая, с пытливым умом, с умением слушать и слышать собеседника, с чувством

юмора и редко встречающейся способностью к самоиронии. Она была младше меня на десять лет. Александра Владимировна вела математику. Мы не дружили, но, когда виделись, всегда радовались друг другу. Нас объединяла любовь к лицу и совместное обучение пению на клиросе. О работе сестёр в хосписе я рассказала Александре Владимировне в момент, когда в её личной жизни проблем стало больше, чем возможности их разрешения.

– Вроде ничего особенного не происходит, но ощущение семьи пропало. Муж до ночи на работе, у дочки свои интересы. Уроки сделает – и к друзьям! Как чужие друг другу стали, – жаловалась она. – Дома одна со своими мыслями. Вам, вы говорите, помощь в храме нужна. Давайте я попробую, если отец Анатолий благословит.

В первый день работы Александры Владимировны в хоспис привезли измождённую болезнью женщину, на вид лет шестидесяти. Она была в забытьи, но, когда пришла в себя, тут же согласилась причаститься. Звали её Татьяна. Её лицо мне показалось знакомым, но я не могла вспомнить, кого оно мне напоминало. Я узнала, что раньше Татьяна никогда не исповедовалась, предложила помочь записать прегрешения. Она стала рассказывать. Отрывисто, чуть сумбурно, с речевыми оборотами, какие часто встречаются в классических романах: «Да, да! Я понимаю, что не наделена опытом раскаяния, но он важен! Безусловно важен!».

Молитвы из Последования ко Святому причащению я предложила для неё прочитать Александре Владимировне.

Через некоторое время она вернулась взволнованная:

– Мне кажется, что Татьяна не всегда меня слышала, иногда, наверное, сознание теряла. А потом пыталась говорить, но как-то сбивчиво, металась, я не поняла, что она хотела.

Я успокоила Александру Владимировну. Она и сама понимала, что для тяжелобольного человека это обычное поведение, и изменить ничего нельзя, но было видно, что ей всё равно хочется сделать ещё что-нибудь, чтобы Татьяне стало легче.

Когда отец Анатолий пошёл к больным совершать таинства, Александра Владимировна его сопровождала и помогала. Последней батюшка причастил Татьяну.

– Знаете, – рассказывала Александра Владимировна, – она после этого больше не металась, как-то стихла, успокоилась.

Через несколько часов Татьяна умерла.

В последующие два дня я в хоспис не ходила, а в лицее узнала, что скончалась Татьяна Андреевна,

одна из преподавательниц университета, которая когда-то вела английский язык у наших десятиклассников в спецгруппе. Для меня известие о её смерти было неожиданным. Я сразу вспомнила высокую статную женщину с хорошо поставленным голосом. Вспомнила её живой, внимательный взгляд, вежливо-тактичную отстранённость в общении. Моя старшая дочь училась в университете, и Татьяна Андреевна вела в их группе готский язык.

– Предмет сложный, – рассказывала дочь, – язык древний, уже мёртвый, но Татьяна Андреевна думает, что если не знаешь готского, то ничего в английской филологии не поймёшь. И грузит нас по полной!

И студенты, и лицеисты, и коллеги по университету признавали в ней специалиста высочайшего класса. Она работала много и успевала везде. Но была слегка рассеянной. Иногда казалось, что из реальности она берёт только основные черты, а потом в своём воображении дорисовывает к ним детали, получает желаемую картину и живет по её законам. При этом была материалисткой и к сфере мистического относилась недоверчиво.

Когда я узнала, что Татьяна Андреевна умерла в хосписе, то поняла, что Александра Владимировна и отец Анатолий были последними людьми, с которыми она общалась.

В лицее на большой перемене я рассказала об этом Александре Владимировне.

– Татьяна Андреевна?! Это была Татьяна Андреевна?! – с большим волнением воскликнула она и продолжила: – Точно! Мне ещё тогда показалось, что я её где-то видела! Надо же, не узнала!

– И мне показалось, и я не узнала. Да... болезнь эта... что и говорить. И ещё виделись-то мы нечасто, а в последнее время и вообще не встречались.

Я говорила, но Александра Владимировна всё ещё находилась под впечатлением от известия и почти не слушала. Это удивило меня. «Она же с Татьяной Андреевной общалась реже, чем я. Почему такая реакция?»

– Это невероятно! – произнесла Александра Владимировна. – В кино бы показали, сказала бы – индийский фильм, в жизни так не бывает! Я ведь училась у неё! Вернее, она была у нас деканом.

– Как? Ведь вы математику преподаёте, а она английский.

– Я заочно училась на романо-германском, второе образование получала, – она немного помолчала. – Нет! Как всё-таки поразительно!

– Что поразительно? Что не узнали?

– Нет, не только это... У нас с Татьяной Андреевной произошёл или произошло... даже не знаю, как

определить... не то конфликт, не то недоразумение... В тот день я сдала экзамен по английскому на четвёрку, а вы ведь знаете, у меня комплекс отличницы, привыкла к пятёркам. Переживала, но успокаивала себя, что это всё-таки не моя специальность, достаточно и четвёрки.

Прихожу в деканат, там Татьяна Андреевна. Я ей говорю, что сдала на «хорошо», она попросила ведомость или зачётку, а я как раз в этот день зачётку забыла, а ведомость ещё не принесли. «Вы уверены, что у вас четвёрка? А не «удовлетворительно»?» – «Да, – говорю, – конечно!» – «Когда подтверждение появится, тогда и поставим».

Через день я принесла секретарю зачётку и ушла со спокойной совестью.

И вот нам вручают дипломы, я открываю, а там стоит тройка! У меня в глазах помутилось! Бегу в деканат, спрашиваю: «Как? Почему?». Секретарь смотрит в приложение, говорит: «Ничего не понимаю! Мы когда с Татьяной Андреевной выставляли, я ей сказала, что у вас «четыре», а она возразила: «Нет, не может быть! По-моему, у неё «удовлетворительно»! Да, я точно помню, что «три». Спрашиваю: «Где Татьяна Андреевна?» «В командировке, – отвечает. – Но не волнуйтесь, я документы подниму и исправлю». Исправили, конечно, но я тогда так расстроилась! Всё понять пыталась, почему она так сделала? Предположила, что я дура посредственная? Больше тройки не заслуживаю?

– Да, может, она просто ошиблась? Вы ведь знаете, что студентов много. Спутала с кем-нибудь.

– Мне кажется, не могла она спутать, хотя... короче, осталась у меня обида. Вроде осадка какого-то. Я когда об этом случае вспоминала, на душе не очень хорошо было. Потом мы с Татьяной Андреевной не виделись, но даже если бы и встретились, то всё равно разбираться же не будешь... Я была уверена, что уже никогда этот узел не развяжется... И вот как он развязался! Гениальным образом! Ведь это прям чудо какое-то! Прям урок мне! Да!..

5

Старики попадают в хоспис чаще. Хотя, возможно, надо было написать не «старики», а «пожилые люди», но вот думаю: с какого возраста человек становится пожилым или старым?

Недавно в лицее на лекции по этикету девятикласснику предложили представить себя на месте пятидесятилетнего человека. Он сразу же сгорбился, руки затряслись.

Спрашиваю:

– Что с вами?

– Как что? Он же старый!

Как хорошо понимаю я этого лицеиста! Когда-то на последнем курсе института мы отмечали Новый год и представляли, какими старыми будем в двухтысячном году! Целых сорок четыре года!

Мне шестьдесят три. Значит, пожилая? Конечно, со стороны виднее, но как раз сейчас и понимаешь, что выражение «душа не стареет» – это не банальность, как думалось раньше, а реальность.

Но очень сложно сохранять душевную молодость, когда к телу подступает серьёзный недуг...

Здесь, в хосписе, условия для всех больных одинаковые. Но люди, особенно пожилые, реагируют на них совсем по-разному!

Престарелые мужчины, вырванные из привычного домашнего окружения, в больнице теряются, становятся послушно-тихими, неуверенными. Некоторые из них раньше никогда в стационаре не лечились и своё пребывание в хосписе воспринимают как начало ухода из жизни.

Предложения сестёр милосердия причаститься вежливо выслушивают, но соглашаются редко.

У многих больных отсутствие привычки покаяния вызывает страх перед исповедью, думают, что о грехах говорят только в конце жизни.

Больше всех боятся пожилые.

– А что? Мне уже помирать пора? – спрашивают.

Объясняю, что желательно в каждый пост исповедоваться и причащаться.

Переубедить удаётся далеко не всегда, особенно старичков.

А вот старушки чаще откликаются на предложенную возможность.

Они, если не совсем тяжёлые, легче адаптируются к условиям в хосписе. Некоторые даже рады, что теперь не одни, среди людей. Можно и поговорить, и послушать, а иногда и пожаловаться, и покапризничать, и характер показать.

Я заметила, что если женщина после пятидесяти лет не верит в Бога, не обращается к нему хотя бы в душе, то к старости становится чёрствой, раздражительной, даже злой. Внешне она может старуху не напоминать, но общаясь, сразу видишь, что душа усыхает.

Хотя не все старушки, посещающие церковь, могут согреть взглядом или поддержать словом.

Однажды (тогда я ещё только начала ходить в храм при хосписе) отец Алексей попросил меня посетить одну больную бабушку.

– Вы, я знаю, пишете. А с ней в детстве случай произошёл. Очень необычный. Хорошо бы зафиксировать да в «Золотые купола» отправить.

Пришла. В кровати лежит женщина лет под семьдесят. На меня почти не смотрит. Кажется, её

звали Клавдия (прошло уже лет восемнадцать, имена забывать стала, к сожалению). Она рассказала мне свою историю, которую потом я оформила в статью. Хотела привести её здесь, но ни газеты, ни рукописи найти не смогла.

Смысл заключался в том, что, когда Клавдии было лет семь, по оговору арестовали её мать. Тогда Клава жила в далёком от райцентра колхозе с тремя старшими сёстрами и матерью – единственной кормилицей. После ареста мамы Клава, оставаясь одна дома, каждый день на коленях истово, слёзно молилась перед иконой Божией Матери, просила, чтобы маму отпустили.

Через несколько дней к ним в избу (а жили они на отшибе) зашла незнакомая бедно одетая женщина скорбного вида. Попросила поесть.

Клава женщины не испугалась, но ступевалась, сказала:

– А кушать-то у нас нечего.

– А как же картошка варёная? – спрашивает женщина.

– Точно! Забыла я про неё. Вот, берите, – и дала в руки две картофелины в мундирах. Всё, что было.

Взяла женщина и говорит:

– Ты не бойся и больше не плачь! Скоро мама твоя домой придёт.

И ушла. Клава за ней, хотела ещё расспросить, но женщины уже нигде не увидела.

Вечером рассказала Клава сёстрам об этом случае.

– Так что скоро мама вернётся! – успокаивала она их.

Те поругали её, велели больше не открывать дверь чужим.

А мама на второй день пешком из райцентра пришла. Отпустили.

– Видно, чудо какое-то! Сама не пойму! Разобрались, поняли, что не виновата.

Описывала Клавдия этот случай подробно, без эмоций. Я поблагодарила, стала прощаться, но она начала новый рассказ, теперь уже о своей настоящей жизни.

Овдовела лет десять назад. Детей не было. «Да и зачем они, когда из них убийцы да наркоманы вырастают!» Из сестёр общается только со средней. «Остальные-то рвань да пьянь!» Да и у средней сестры дети только и ждут, когда тётка (Клавдия) пойдёт, чтобы дом продать да деньги поделить. «А сами-то ничем никогда не помогут! Вот попала сюда, а за домом никто не следит, последнее вынесут. А здесь так лечат, что неизвестно, сколько пролежу. Приду потом на пустое место...»

Моя попытка как-то успокоить была прервана очередным потоком обвинений и жалоб на родственников, соседей, врачей, санитарок...

Во время разговора она периодически осеняла себя крестным знамением.

Я не стала спрашивать у Клавдии, ходит ли она в церковь, ищет ли помощи у Бога. Наверное, боялась узнать, что храм посещает, но в душе уже нет той веры, по которой когда-то девочке Клаве было дано чудо возвращения матери.

...Василису привезли в хоспис из Топкинского района для оформления документов в дом инвалидов. Маленькая, худенькая, скрюченная старушка. Передвигается, только когда поддерживают. Слепая, с двумя зубами. Своим беспомощно-хрупким видом она напоминала мою восьмидесятилетнюю свекровь. Но Василиса была старше на шестнадцать лет. Девяносто шесть. Почти сто. Но голос молодой, чуть высокий, с вопросительно-задорными нотками.

– А ты молитву знаешь «Отче наш»? – это первое, что она спросила у врача. – Без этой молитвы жизни нет.

– Бабушка, у вас болит что-нибудь? – встречный вопрос задала врач.

– Что? Говори громче, слышу плоховато!

– Болит где-нибудь?

– Что про это говорить?! Болит, так пройдёт. Это пройдёт, другое придёт. Ты лучше ответь: молитву знаешь? – и стала тихо читать её.

Вообще Василиса молча только спала, в остальное время, если не разговаривала с кем-нибудь, то шёпотом молилась.

О себе рассказывала мало, без вздохов сожаления, как бы подсмеиваясь.

– Зажилась! Эх! Пережила всех. Нету никого родных! Одна теперь. А всё живу!

На второй день после её поступления в хосписе стали ходить слухи, и некоторые сотрудники хосписа под разными предлогами заглядывали к ней в палату.

– Чудная бабулька! За каждым словом всё «спасибо» да «спасибо!»! Не жалуется, не ноет. Ещё и нас жалеет! – переговаривались между собой санитарки.

И правда, Василиса благодарила даже за малейшую помощь: подушку ли поправишь, стул ли подвинешь поудобней. Делала это искренне, от сердца.

Во время первой нашей встречи Василиса сразу же согласилась причаститься.

– Вот только мне бы голову чем-нибудь накрыть, – она запустила пальцы в свои седые, густые, всклокоченные волосы, приподняла их. – Простоволосой-то нельзя. Потерялась косынка.

Я принесла ей платок из тех, что жертвуют прихожане. Выбрала лёгкий шерстяной, с птицами и цветами. Знала, что не увидит она рисунок, но всё равно хотелось подарить ей понарядней.

Василиса взяла его в руки, ощупала:

– Господи! Платок-то какой! Это мне?!? Зачем?! Мне бы тряпку каку, да и ладно было бы!

Но платок на голову повязала и сидела радостная, довольная. И, конечно, благодарила потом всякий раз, когда я приходила в палату.

В еде у Василисы была своя норма: кусочек, не больше, хлеба – с кашей, супом, с любой пищей, которую давали в больнице. Когда хлеб кончался, она есть прекращала.

Однажды я услышала, как Василиса постанывала во время сна, спросила у Ольги Петровны, лечащего врача, от чего боли.

– От всего. От старости. Суставы деформированы, на позвоночнике грыжи. Но держится-то как! Всё меня молитве учит! – она улыбнулась. – Скоро уж и правда запомню!

В свои девяносто шесть Василиса была немощной, но не старой. Не унывала никогда. Всякое простое дело, умыться, например, или лекарство принять, совершалось ею с радостью, с удовольствием.

– Смирная она, – сказал как-то отец Анатолий. – Оттого с ней всем легко.

Я тут же подумала о том, как хорошо бы и мне быть такой, как Василиса! Как бы обрадовались родные и друзья, если бы я научилась сдерживать свой нрав! Но честно себе призналась, что поведением я скорее похожа не на Василису, а на Клавдию. И пожалела, что мысленно осуждала её. Выходит, от Василисиного смирения и мне полегчало.

В хосписе Василиса пролежала всего неделю. Сейчас понимаю, что мало времени ей уделила. Надо было тогда и о жизни подробнее расспросить, и волосы ей причесать...

6

С Еленой Николаевной Косиновой мы в один год пришли на работу в городской классический лицей. Тогда ещё он, правда, назывался экспериментальной площадкой, но уже придумывались новые программы, вводились непривычные для школ предметы (например, мой – риторика), объединялись педагоги, мечтающие об изменениях в школе. Лена была моим другом.

Девяностые годы... Перестройка, перестрелки, забастовки, митинги. А в нашей школе – дух пьянящей свободы! Всем хотелось создать особый мир братства, о котором мы ещё в детстве прочитали в мемуарах лицейских друзей Пушкина.

Елена Николаевна как историк к мемуарам была ближе. Любила свой предмет. Я вообще не могу вспомнить, что она делала без любви. Может быть, составляла многочисленные отчёты, когда позднее стала заместителем директора по воспитательной работе? В Лене удивительно сочетались ответственность и ребячливость, серьёзность и озорство. Она была младше меня на четыре года, но иногда мне казалось, что разница больше.

Лена была настоящей звездой лица. Высокая, зеленоглазая, черноволосая, красивая, с внимательно-добрым взглядом, с заразительной улыбкой. Она пела, играла на гитаре и фортепиано, была актрисой лицейского театра «Свеча». В её кабинете стояло пианино, которое Елена Николаевна привезла из дома. На переменах да и на уроках, если это было по теме, звучала живая музыка.

И вообще всё живое тянулось к Лене: льнули собаки и кошки, зеленели цветы, быстрее, чем у других, созревали овощи на даче.

– Это потому, что я дочь биолога, – шутила она. Её мама действительно преподавала биологию в нашем лицее.

И, конечно, её любили дети: племянники, лицеисты, сыновья и дочери друзей. Мои девочки относились к ней как к члену семьи.

Однажды в шутку она попросила моего мужа:

– Георгий, какой ты добрый! О таком папе можно только мечтать! Удочери меня, пожалуйста?!

Папы у Лены в это время уже не было.

– Точно, Лена. Теперь ты наша дочка!

Мы дружили семьями. Ленин муж, Володя, был ей под стать: высокий, сильный, добрый, смешливый. Лена часто называла его Вовочкой, как героя анекдотов, и рассказывала о реакции своей мамы, когда та узнала, кто Ленин жених.

– Это что, тот самый мой Вовочка?!

– Мама! Но он же теперь взрослый! Уже не тот мальчик, который у тебя в классе шалил.

Своих детей у Лены и Володи не было. Безрезультатно испробовав все доступные способы решения проблемы бездетности, друзья наши с этим смирились.

С Леной я встречалась шесть, а иногда и семь дней в неделю. Конечно, в первую очередь в лицее, там творилась такая жизнь, что мы сами себе завидовали. А дети вообще не хотели уходить домой и мечтали, чтобы построили новый корпус, где бы они могли ночевать.

Но какой там новый! Нам бы дали хоть старый, но свой! Правда, к этому времени лицеем выделили два этажа в городском Доме пионеров, и мы переехали.

– Я и раньше к работе близко жила, а теперь она прям во дворе, – смеялась Лена.

Конечно, у неё часто собирались коллеги.

– Давайте ко мне! Ко мне же ближе!

Многие рабочие моменты легко решались у Лены в квартире. Потом, конечно, пили чай, иногда и что покрепче.

Это был гостеприимный дом. Вова любил готовить, сочинял новые блюда и звал друзей. Он был ровесником моего мужа, старше Лены на шесть лет. После политехнического института Володя работал в шахте, а когда началась перестройка, занялся строительным бизнесом.

К тому времени образовалась компания из наших с мужем друзей и друзей Лены и Володи. Все вместе мы выезжали на дачи друг к другу, ходили в театры и филармонию, отмечали праздники с песнями на три голоса, с играми в фанты, импровизациями и инсценировками.

Господи! Неужели это и правда когда-то было?! А ещё наши поездки по стране и за её пределы! Лена была настоящей путешественницей. Каждый год она показывала достопримечательности Родины лицеистам. Они побывали в Санкт-Петербурге, городах Золотого кольца, Краснодарского края и соседних сибирских областей.

– Старость меня дома не застанет, я в дороге, я в пути! – часто, смеясь, напевала Лена.

Она легко, чуть ли не за несколько часов, могла собраться в дальнюю дорогу. Однажды нам случайно достались горящие путёвки в Эмираты, и уже через три дня Лена и я с Алей, дочерью-девятиклассницей, жили в небольшом отеле в Шардже. А ещё через три дня Лену пригласил в рыбный ресторан хозяин отеля по имени Обед.

– Я на своём школьном английском объяснила ему, что могу пойти только со своими друзьями. «Конечно, приглашайте и своих друзей», – сказал он.

И вот мы едем в шикарной, с отделкой из красного дерева машине. За рулём Обед, с кувшином на голове, прижатой чёрным шерстяным ободом, в национальном белом мужском платье. Потом в ресторане (а находился он на берегу залива на корабле) мы едим вкусную неизвестную рыбу, кругом, кроме официанта, никого нет (как позднее выяснилось, ресторан специально закрыли, чтобы мы отобедали там), и я, пользуясь возможностью, стараюсь как можно больше узнать о жизни простого арабского миллионера. Аля выступает в качестве переводчика.

Обед отвечает на мои вопросы, сам смотрит на Лену. А потом говорит:

– Лена такая красивая, – поворачивается ко мне и добавляет: – И такая молчаливая!

Вспоминая этот случай, мы смеялись всякий раз. И вообще жили весело, счастливое было время!

А потом грянул дефолт и сильно ударил по Володиному бизнесу. Да и мы тоже едва расплатились с долгами, даже пришлось машину продать. Володя снял, но продолжал искать новые возможности. Лена не унывала и старалась поддерживать его.

К тому времени я уже съездила в Могочинский монастырь, чаще стала ходить в церковь. Звала с собой Лену, но у неё всё как-то не получалось. В душе она в Бога верила, водила лицеистов на экскурсии в храмы, ставила свечи, но не причащалась.

Потом внезапно умер Володя. Инфаркт. Это горе сразу изменило нашу жизнь и ещё больше сблизило с Леной. Мы вместе стали ходить в церковь, её мама, в прошлом атеистка, присоединялась к нам. Но через некоторое время как-то незаметно мы с Леной стали встречаться реже. Она и до этого много работала, а тут чуть ли не поселилась в лицее, а у меня, наоборот, учебная нагрузка уменьшилась, и я согласилась с предложением отца Алексея помогать сёстрам в храме хосписа.

Я скучала по Лене, мне её не хватало, предлагала вместе учиться пению на клиросе, но она ссылалась на усталость, а позднее стала жаловаться на боль внизу живота. Я встревожилась:

- Надо обязательно сделать УЗИ!
- Успею, вот полугодие закончится...
- Не надо тянуть! Иди сейчас.
- Когда мне идти?! У меня сплошные уроки!
- Иди после! Давай я договорюсь, у меня узист очень хороший!

И всё-таки к врачу Лена пошла только в конце учебного года.

- У меня опухоль нашли. Говорят, большая.
- Ты только не паникуй! Сейчас женские болезни лечатся легко!

– Я и не паникую, вот отвезу детей по Золотому кольцу – и избавлюсь от неё.

– Не надо никого никуда везти! Надо срочно искать врачей и делать операцию!

- Ну и кто из нас паникует?!

И она уехала. Когда вернулась, ей сделали операцию, вернее, только разрежали и тут же зашили: опухоль уже невозможно было удалить. Рак третьей стадии. Сразу вернулось ощущение ужаса и безысходности, которое раньше я испытала во время маминой болезни. Лене ничего сначала не сказали. Наревевшись дома, шла с котлетками в больницу и убедительно, как когда-то маме, врала, что всё образуется.

Потом из другого города приехала младшая сестра Лены, по профессии врач. Она подняла все свои

связи в медицинском мире нашей области, но специалисты утверждали, что опухоль неоперабельная.

С комом в горле, скованная страхом и отчаянием так, что дышать было трудно, я бежала на исповедь. Становилось легче, но потом состояние горя возвращалось снова.

В это же время я продолжала ходить в хоспис и, сколько было душевных сил, молилась перед иконой Божией Матери о выздоровлении. Молились о здоровье Лены и её родные, и учителя, и ученики лицея, и друзья – почти каждый, кто был с ней знаком.

И наконец появилась надежда: в Москве нашёлся врач, который согласился помочь. Лена с сестрой уехали в столицу.

Операцию сделали, опухоль полностью убрать не удалось, но на время исчезла боль и угроза скорой смерти. После возвращения Лена переехала жить к маме, это было ближе к моему дому, и мы часто встречались.

Закончился курс химиотерапии, Лене назначили поддерживающие препараты, и она стала приходить на капельницы в хоспис. Захожу в палату, а там моя Лена на кровати сидит: худенькая, одни глаза остались, в вязаной ажурной шапочке... Тихая такая. Ещё совсем недавно я рассказывала ей, цветущей и здоровой, о храме в хосписе, о сёстрах милосердия, о прихожанах, звала с собой петь акафист...

После химии Лене стало легче, мы даже несколько раз прогулялись по набережной и Весенней. Она уже планировала празднование своего дня рождения, составляла список гостей. Мы вместе сходили на исповедь, и Лена стала регулярно причащаться, но в то же время втайне, чтобы я не узнала, обращалась к женщине-экстрасенсу, шарлатанке, как выяснилось потом. Сейчас я понимаю, что Лене хотелось выжить любым путём, но тогда это вызвало у меня досаду.

Потом стало известно, что опухоль дала метастазы. Горе и отчаяние перешли в полное отсутствие чувств. Я пыталась примириться с мыслью о смерти, думала: «Все умрём, кто-то внезапно, а кто-то успеет ещё в грехах покаяться». Решила, что, пока есть время, нужно исправлять свои недостатки. Стала сдерживать эмоции, старалась не допускать импульсивных реакций, следила за речью. В то же время смотрела на окружающих и думала: «Как много праздных людей! На что они тратят драгоценное время!» Меня раздражали досужие разговоры, игра мужа в бильярд, праздничные застолья. Казалось, что я наконец обретаю какую-то особую мудрость, смирение и страх исчезает.

Но в день смерти Лены, когда увидела, как санитары понесли её в простыне по лестнице к катафал-

ку, а потом, чтобы открыть машину, положили на холодную мокрую землю, меня прошиб такой ужас, что захотелось бежать куда глаза глядят и забиться в какой-нибудь угол, чтоб никто не нашёл.

После похорон Лены я в хоспис в качестве сестры милосердия не вернулась: сначала потому, что мы переехали за город, а потом обострилось хроническое заболевание и пришлось лечь в больницу. Но это были формальные причины. Настоящие назвал отец Иоанн. На шестой день после операции я кое-как дошла к нему на исповедь, рассказала о Лене, о том, что растерялась и не знаю, как жить дальше, призналась, что трясёт меня от страха вместо радости и спокойствия. А я ведь и молюсь, и в хоспис хожу, и бездомным помогаю, о больных забочусь, перестала ненормативную лексику употреблять и не выпиваю совсем.

– Давно причащались?

– Да. Очень давно. Сначала дела были неотложные, а потом заболела. Хотя это, конечно, не причины.

– Не причины... А вообще как часто вы причащаетесь?

– В каждый пост. Иногда между постами.

– Людмила... Общение с тяжелобольными связано с большими искушениями, поэтому надо исповедоваться регулярно – и причащаться, конечно, хотя бы раз в месяц. А иначе... Вы же понимаете, что в уныние впали и гордыню.

– Да, теперь вот только поняла.

Всю неделю каждый день я ходила к причастию. Вспоминала свою жизнь, и открывались грехи, которые раньше за собой не замечала. Шла в церковь, и меня пошатывало от слабости, но на душе становилось легче. Я чувствовала любую фальшь в своём поведении и даже в мыслях. Малейшая попытка осудить кого-то отзывалась болью. Я всех понимала, всех любила и жалела. И радовалась всему: например, чаю горячему с сухарём, проталинам на сугробах, неожиданной песне Челентано по радио, ворчанию соседа...

Во время последней исповеди отец Иоанн сказал:

– Вам, наверное, сейчас не нужно быть сестрой милосердия в хосписе. У вас пока нет христианского отношения к смерти.

– А когда?

– Когда появится. Может, лет через двадцать.

После окончательного выздоровления я вернулась на работу в лицей. В храм при хосписе приходила редко, но всякий раз меня встречали как родную, да и моё сердце сжималось от воспоминаний. Я познакомилась с новой старшей сестрой милосердия – тоже Светланой, милой, скромной, спокойно-молчаливой женщиной лет сорока. А позд-

нее, когда пришла петь в Трифоновский храм, – он недалёко от моего дома – среди прихожан узнала её. Клирос наш под самым куполом, сверху всех видно, и я наблюдаю оттуда, как каждую неделю Светлана идёт к причастию. Возможно, кто-то задаёт себе вопрос: зачем так часто?! Думаю, что знаю ответ, и помню, как нелегко он мне дался.

Из беседы с заведующей отделением хосписа Еленой Владимировной Скочиловой

– Как давно Вы работаете в хосписе?

– С первого апреля 1994 года. Друзья смеялись: первоапрельская шутка. Тридцать два года мне было. Я к тому времени окончила вечернее отделение мединститута, а ещё раньше, в 1982-м, медучилище. Родила второго ребёнка, девочку.

– А сколько у вас детей?

– Трое. Два сына и дочь. Внуков пока нет, но уже хочется. Когда пришло время идти на работу, поняла, что найти что-то сложно. Тогда распределения в вузах уже не было. Я вообще хирургом хотела стать, о хосписе уж точно никогда не думала. Знаете, в то время к ним такое отношение было, как будто там не больница, а свалка, куда отдают на смерть! Но, кроме хосписа, ничего не нашлось.

Сначала трудно было. Никто в городе не знал, что это за направление такое в медицине. Нас как учили: если полезет онкологический пациент от боли на стенку, коли промедол! Вот и вся помощь! Ни с больными, ни с их родственниками системно никто не работал. И мы сначала методом проб и ошибок шли.

Пока к нам не приехали специалисты из Питера – ведь первые хосписы в нашей стране не в Москве, а в Питере появились. Прошли у них обучение. Цели и задачи стали яснее. А питерские врачи, в свою очередь, учились по методике Роберта Твайткрасса. Мы многое тогда узнали о принципах, на которых основана паллиативная помощь.

– Елена Владимировна, получается, что хоспис – это ваше первое место работы в качестве врача?

– Да. Первое и, наверное, последнее. Уже двадцать пять лет здесь.

– Многое изменилось?

– Да, безусловно! Особенно в последнее время! Мы же учреждение государственное, платные услуги онкологическим больным не имеем права оказывать, живём только с бюджета. Раньше лекарств не хватало, оборудования никакого! А сейчас... У нас появилось множество препаратов и в инъекциях, и в таблетках, и пластыри есть! Оборудование обновляется. Приобрели шестьдесят функциональных коек. У них поднимаются и опускаются ручки, спин-

ки, и вообще можно менять форму, чтобы больному было удобней.

Но главное, отношение в обществе изменилось! Сейчас уже стали понемногу понимать, что хоспис – это не место, куда умирать идут, а место, где помогут, качество жизни поднимут, утешат.

Знаете, мы с родственниками иногда больше работаем, чем с больными. Наши онкологические пациенты каким-то необъяснимым знанием наделены, как будто что-то главное поняли, редко в утешении нуждаются. А вот их родственники страдают психологически гораздо тяжелее. Мы с ними беседуем, объясняем, утешаем как можем.

В этом, пожалуй, главное отличие работы в хосписе от работы в простых стационарах. Там диагноз поставил, назначения расписал – процесс пошёл. Главное – контролировать до выздоровления. А здесь – другое.

– А в чём вы видите главные трудности?

– Да многое, честно говоря, трудно. Работа ведь и с кровью, и с грязью связана! Иногда, извините, кал из попы приходится выковыривать. Но самое тяжёлое, что умирают. Как бы ни старались мы, умирают. Миша, мой муж, заметил, что в последнее время реже плакать стала, а раньше в месяц по нескольку раз дома ревела. Хотя по статистике в третьей городской от травм в автокатастрофах больше умирают, но когда говорят о смерти, то сразу вспоминают хоспис.

– То, что в хосписе есть храм, помогает как-то вашей работе?

– Безусловно! Мне кажется, что значение храма для хосписа даже и обсуждать не нужно! Оно очевидно! Я даже не могу себе представить, что когда-то церкви в хосписе не было! Знаю, что девочки, которые там работают, многих утешают, это придаёт силы больным.

– А что даёт силы вам?

– Семья. Семья даёт мне силы. Ещё молюсь каждое утро, как проснусь. И, наверное, силы даёт надежда. Всё понимаешь, но всё равно ждёшь чуда. И, знаете, иногда случается. У нас лечился Игорь, тогда ему лет тридцать было, с диагнозом «лимфогранулематоз». Его из онкологии выписали к нам фактически умирать. Игорь в нашей больнице периодически лежал, своим стал. К нему девушка часто приходила. Решили они пожениться прямо здесь, в хосписе. Он же почти неходячий был. Мы всё приготовили, украсили шарами помещение, цветы принесли. Вечером перед регистрацией у Игоря открылась сильная рвота. Сам жёлтый, худой, животик выпирает. Но наутро как-то встал, расписались. После регистрации захожу к ним в палату – Игорь помидор ест! Даже вроде

щёчки порозовели. Короче, с этого дня стало лучше ему. Я опять в онкологию обратилась, чтобы попробовали ещё что-нибудь сделать. Провели химиотерапию. Живёт до сих пор! Это заболевание в стадии ремиссии может быть долго. Недавно второй ребёнок родился, дочь, но уже от второй жены, с первой развелись, не говорит почему. Так что Игорь для меня как талисман, надежда на просвет! Но, к сожалению, таких случаев мало.

– Елена Владимировна, а что могут сделать желающие оказать помощь хоспису?

– Уход за больными волонтерам мы, конечно, доверить не можем. Но с удовольствием принимаем от всех желающих помочь памперсы, постельное бельё. Постельное бельё – это особенно актуально! И чтобы простыни большого размера были, их удобно заправлять, не сбиваются. Только приносить вещи нужно будет уже по другому адресу: Базовая, 12. Нам дают новое здание, и скоро мы переезжаем.

– Вы рады этому событию?

– Конечно! Что говорить, здание-то нынешнее уж очень старое. А там гораздо новей, и лаборатория своя. Так что жизнь хосписа теперь в других стенах будет продолжаться.

Муниципальное учреждение здравоохранения

«Городская клиническая больница № 4»

1992 год – открытие хосписа на базе МЧС-13.

1996 год – хоспис переведён в новое здание по адресу: ул. Чкалова, 1.

1999 год – хоспис переименован в МУЗ «ГКБ № 4».

2001 год – в хосписе открыт православный храм в честь иконы Божией Матери «Всецарица».

В больнице функционируют 45 больничных коек для инкурабельных онкологических больных, 15 коек для оказания медицинской помощи лицам без определённого места жительства, 15 коек для больных, поступающих на платной основе с целью ухода и медицинского наблюдения.

Ежегодно в стационаре пролечиваются 1 300 человек, госпитализируются инкурабельные онкологические больные для проведения паллиативного лечения в ситуации, когда возможности противоопухолевого лечения ограничены или полностью исчерпаны.

Паллиативная помощь включает в себя как медицинские мероприятия (симптоматическая терапия), так и помощь в решении психологических, социальных и духовных проблем, что достигается при условии слаженной ритмичной работы многопрофильной бригады подготовленных специалистов.

Целью работы является повышение качества жизни пациента.

г. Кемерово

178